

С.А. Сухих, А.Ш. Калашава
Краснодар

**Лингвopsихологический анализ скрытого воздействия
в дискурсе**

На переходе столетий отмечается столкновение ценностей двух времен – романтического и классического. Ценности романтического времени соответствуют картине мира, утверждаемой «революцией третьей волны» [Тоффлер 2000], тогда как классическое время связано с ценностями промышленной революции, утверждающими беспредельное господство человека над окружающим миром. Ценности классического и романтического времени задают концептуальные рамки интерпретации мира, которые соответственно представлены гуманистической и экспериментальной парадигмами в науке.

Сам человек, как феномен познания, по-разному предстает сквозь призму этих парадигм. В частности в лингвистике экспериментальная парадигма подает человека как некоторую абстрактную схему с набором ролевых, гендерных, этнокультурных характеристик. Причем человек выступает как пассивный объект анализа, а исследователь претендует на объективность получаемых данных. Такая эпистемологическая установка запускает дискуссии, необходимые для доказательства «объективности» полученных результатов в лингвистических сообществах. Это свидетельствует о субъективности «объективно» получаемых данных. Таким образом, опираясь на ценности экспериментальной парадигмы, исповедующей объективность и предсказуемость изучаемых событий, в реальности мы сталкиваемся с гуманистически ориентированным процессом, где установки исследователя, проецируясь на объект описания или исследования, имеют тенденцию находить подтверждение.

Разработка технологий отслеживания таких субъективных проекций исследователей, а также других членов общества, к примеру, политиков, ратующих за объективность своих взглядов на реальность, может быть предметом деятельности лингвиста. Это позволит преодолеть в лингвистике слабость понимания человека как абстрактной схемы. Наиболее иллюстративным примером в этой связи может выступать исследование процесса воздействия на коллективного адресата в политическом

дискурсе. На сегодняшний день прекрасно описаны все лингвистические комбинации в масс-медиальном дискурсе, правда, в чрезмерных обобщениях, что естественно вытекает из схематичных представлений о человеке, наиболее распространенных в лингвистике [Желтухина 2003 и др.].

Основная погрешность всех лингвистических построений состоит в отсутствии опоры на концепцию человека, на что справедливо указывал Дж. Лакофф [Лакофф 2004:16]. Для понимания человеческой природы в знаковом воплощении используется антропоморфный методологический принцип, производный от мифа о герое. Однако на современном этапе набирает привлекательную силу антропный подход, понимающий человека как часть большого целого, космического сознания, где человек предстает как одна из возможных разновидностей форм реализации этого космического сознания. Эти идеи разрабатывались русскими философами [подробнее см.: Зинченко, Моргунов 1994], но как методологический принцип были представлены в концепции И.А. Александровым (1999).

Конкретную проекцию на научный уровень антропный принцип получил в представлениях Р. Уилсона(1998) при описании механизмов «промывки мозгов». Суть его концепции сводится к тому, что человек выступает как существо, живущее на многих уровнях одновременно. Эта многоуровневость представлена восьмью контурами. Эффективность информационного воздействия текстов СМИ на коллективного адресата достигается путем учета этих базовых контуров. Наиболее древними являются **«оральный»** контур, отвечающий за биологическое выживание и импринтируемый матерью, а также, **«анальный»** или территориальный, отвечающий за социальное положение, за статус в стае, который импринтируется отцом. Относительно молодым контуром является **времясвязывающий** или семантический контур, который указывает на способность человека работать с символической информацией, что свидетельствует о развитости рефлексивного слоя сознания. Такой способностью обладает в среднем 30% человечества. **Моральный социосексуальный** контур указывает на гендерные нормы поведения. Пятый контур касается особых переживаний, связанных с экстатическим опытом и сенсорно-соматическим блаженством, и поэтому называ-

ется **холистическим** или **нейросоматическим**. **Коллективный нейрогенетический** контур (6) касается содержания всего эволюционного сценария, «записанного» в бессознательной сфере в форме архетипов. 7 и 8 контуры развиты или активны у людей, которые не поддаются воздействию социума, поэтому процент людей, по данным Р. Уилсона, невелик и составляет 5%. В связи с этим данными контурами можно пренебречь.

Итак, при анализе политических дискурсов (ПД) следует вычленять информацию, направленную на воздействие пяти первых контуров. Проиллюстрируем это на примере националистической прессы, разжигающей межнациональную рознь. Анализ специальной подборки текстов СМИ, размещенных во второй части книги Величко В.Л. (2003) показывает, что наиболее сильное влияние на поведение (оценку информации) имеет **первый контур**, связанный с **биовыживанием** человека. В текстах индикатором этого контура служат различные вербальные структуры со значением угрозы. В анализируемых текстах такими являются: «горцы калечат русских, горят животной ненавистью к русским патриотам», «звери азиаты заморозят русских, отравляют фальшивой водкой, их изготовитель – массовый убийца, гибнет русская нация, гасановы убили русских, цыгане травят русских стариков, армяне режут русских милиционеров, геноцид против русских, русских будут не просто уничтожать, а безнаказанно резать, кавказцы пытались терроризировать русского фермера» и т.д. Данные вербальные структуры со значением угрозы рассеяны по всему массиву текстов книги.

Второй контур – территориальный (наличие социального пространства) контур возбуждается такими языковыми выражениями как: «турки и корейцы захватили территорию, захват собственности, Хабаровск во власти инородцев и иудеев, тофики, алики, гиви, бусурманы захватили власть, плюются, травят, гогочут, продают наркотики, оскверняют кладбища, вьетнамцы загаживают русские дома, кавказцы грабят московские квартиры, расчищают себе место, рабы надцменов - русские бабушки» и т.д.

Третий контур – **семантический** – связан с сознанием или осознанием происходящего и репрезентирован оценочностью: **мы** («русская нация – носительница Добра и Справедливости,

дали цивилизацию, вкалываем, спасли их от турок, и.т.д.») – **они** («насилуют, наживаются на беде, грабят пассажиров, суки, подонки, крысы, преступная свора, недочеловеки, свора золотозубых вырожденков, чурки, жида, нахальные, фиксатые, джигиты грязные, сифилитики, глупые, животные, фашисты»). Подчеркивается интеллектуальная неполноценность: «Говорят, что на гигиену у кавказцев есть две точки зрения: одни думают, что это животное, а другие – что это болезнь». Далее утверждается сентенция «Власть – продажна, нет защиты от прокураторы». Умозаключение в текстах – «нужно решать проблему не через голосование, а ...» и далее иллюстрация примеров потенциального поведения адресатов «дайте отпор распоясавшимся инородцам, хроника отстрела уроженца Армении, ингуша», «выбирайте русистов по крови и духу», «в Иркутске месяц красного петуха ... пылающие национальные, культурные общества и предприятия, так или иначе с ними связанные», «выгнать за границу Рубена Асатрян, ай-ай-ай убили негра, надо гнать всех инородцев, оккупантов». «Россия – паровой котел, в котором давление приближается к критической отметке, а предохранительный клапан уже не работает. Очевидно, скоро произойдет взрыв» [Величко 2003: 288].

Четвертый контур - сексуальный - активизируется через вербальные сигналы: «кавказцы насилуют наших женщин и детей, Гасановы изнасиловали двух девочек, проститутка негр-тянка – бешеная собака, а бешеных собак пристреливают, еврей изнасиловал семилетнюю девочку, на гортанном языке обсуждают белую женщину, русская женщина как объект инородного сексуального экстремизма».

Такое комплексное воздействие на бессознательные четыре контура приводит к формированию агрессивных установок и препятствует развитию этнической толерантности. Данные тексты способствуют разжиганию национальной розни, формированию тревожного эмоционального состояния, следствием которого может быть проявление враждебности не только по отношению к представителям других наций, но и по отношению к своим согражданам. Делается это составителем второй части намеренно жестко, используя при этом информацию, воздействующую на подсознание, т.е. минуя сознательный контроль че-

ловека. Смакуются сцены расправы, как стороны кавказцев, так и стороны правоохранительных органов, что направлено на формирование определенного эмоционального заряда. Таким образом, контурный метод анализа позволяет выявить стратегию автора, манипулирующего поведением человека с помощью активизации или возбуждения глубинных контуров психики человека.

Особое влияние на выделенные контуры имеют современные мифы, создаваемые в СМИ. Так, миф об уникальности народа или нации активизирует эмоционально-территориальный контур. Миф о мудром герое с *антикризисной программой* направлен на семантический контур. Однако в силу того, что этот контур слабо развит у людей, то анализ такой информации производится эвристическим способом (в социальной психологии принято различать эвристический и фокальный способы обращения внимания на информацию). Таким образом, мы, доверяя умному и привлекательному говорящему, информацию принимаем некритично. Миф об отце народов (президент), заботящемся обо всех, затрагивает четвертый контур. Анализ современных мифов, ибо мифологичность обыденного сознания составляет основу интерпретации в повседневной жизни современных политических событий, позволяет выявить тенденциозность разветвления части расколотых архетипов, активизация которых приводит к определенному пониманию, прогнозируемому манипулятором. Контурная и мифологическая информация составляют арсенал способов воздействия на подсознание реципиентов. Третьим способом воздействия на бессознательную сферу психики является использование латентной информации подсознания, заложенной результатом процесса появления человека на свет, то, что С. Гроф называет перинатальными матрицами.

Способ анализа данной сферы информации разработал Л. Демоз (2000), назвав это методом анализа фантазий. Метод фантазийного анализа основан на интерпретации публичных выступлений, которые имеют защитный характер, и их функция - обмануть рассудок, заставить его принять рационалистические доводы, под которыми на самом деле скрывается разделяемое членами группы фантазийное послание. Хотя это часто защит-

ное содержание само по себе представляет интерес, и игнорировать его нельзя, скрытую за ним групповую фантазию можно с легкостью разглядеть, выбрав и последовательно выписав большинство слов с сильной эмоциональной окраской - тогда только всплывут темы и взаимосвязи, которые «остаются погребенными под массой защитного материала».

Группы состоят из индивидов с общими защитными стилями, которые организуются в иерархии, чтобы сдерживать насилие групповой фантазии. Лидер - это личность, способная стать объектом противоречивых проективных идентификаций групповой фантазии. Лидер - это не только родитель, но он также играет защитные роли, необходимые на любой стадии групповой фантазии. То он «становится строгим отцом, когда группа отвергает групповое насилие, то заботливой матерью - когда группа стремится защититься от ощущения покинутости, то непослушным сыном - когда его авторитет пошатнулся, и параноидальным братом (сестрой), когда на него проецируется групповое насилие».

Группы вызывают в своих членах «состояние фетального транса», пробуждая особые физические воспоминания о внутриутробной и перинатальной жизни». Большинство людей может восстановить контакт с подавленными фетальными эмоциями, только живя в группе. Степень погруженности группы в состояние полного фетального транса определяется способностью текущей групповой фантазии создать такую иллюзию невредимого чрева, которая защитит от травм детства.

Интересно, что только в состоянии фетального транса индивиды способны сформировать групповую фантазию, которая подчиняется следующим специфическим правилам фетальной жизни: 1. По мере роста все более ощущается недостаток места и требуется все новое пространство, которое приобретается через расширение территории. 2. Другие группы рассматриваются как питающая мать или как высасывающая кровь, отравляющая жизнь плацента. 3. Суть отношения к питающей плаценте - это благоговение перед ее «могучим потоком». По отношению к отравляющей плаценте - ответное стремление отравлять. 4. Первоначальная цель любой группы - сохранение чрева - среды, хотя бы и ценой жизни индивидов, составляющих группы. 5.

«Оболочка» группы - чрева полностью определяет отношения с событиями индивида, находящегося внутри. 6. Индивиды связаны с лидером пуповинами, посредством которых то лидер питает индивидов, то наоборот. 7. Группы связаны пуповинами с другими группами, плацентами и вынуждены отчаянно бороться за «жизненность», проистекающую из взаимоотношений. 8. Любой беспорядок в чреве - среде - это всегда вина отравляющей плаценты и в ответ на нее начинает «оказываться» давление специально, чтобы навредить». 9. Когда групповая фантазия невинного чрева - окружения терпит неудачу, группа начинает неотвратимо скатываться к групповой фантазии войны - рождения. 10. Группы состоят из индивидов с общими защитными стилями, которые организуются в иерархии, чтобы сдерживать насилие групповой фантазии. 11. Группа начинает войну, чтобы преодолеть ужас беспомощного положения ребенка, попавшего в ловушку родового канала. Пробивается «путь наружу» из материнского тела. 12. Когда группа окунается в войну - рождение, соседи тоже чувствуют себя втянутыми в схожее состояние фетального транса. 13. После успешного завершения войны группа чувствует себя «возродившейся» и переживает период оптимизма и энергетического сотрудничества, который расценивается как «лучшие годы нашей жизни».

Теорию Л. Демоза можно успешно использовать в построении манипулятивных процессов, в том числе построении политических дискурсов. Далее, при анализе текста на основе его теории применяется «фантазийный анализ», посредством которого можно выделить слова, относимые к определенной лексической группе. Например: родовая, агональная, анальная.

Фантазийное содержание текста редко составляет больше одного процента от общего текста, и вычленив его можно с помощью следующих восьми правил: 1. Фиксировать все метафоры и сравнения независимо от контекста. 2. Фиксировать все телесные образы, слова, выражающие сильные чувства, яркие эмоциональные состояния. Слова «убить», «смерть», «любовь», «ненависть» - соотнести частоту их повторению в тексте с одновременным отрицанием их важности и защитой от эмоциональной значимости этих слов. 3. Обращать внимание на повторяющиеся, необычные или неуместные использования слов. 4.

Фиксировать все слова и выражения явного символического характера, особенно политические термины - флаги, гербы; семейную символику. 5. Исключить все отрицания. Все отрицания составляют часть защитной структуры. 6. Исключить все субъекты и объекты. Основной защитный прием включает проекцию субъекта - объекта, при выяснении истинного субъекта - объекта не следует ориентироваться на автора. 7. Фиксировать все открытые реакции группы: обмолвки, слова в сторону, на заседаниях - смех, моменты спада напряжения. 8. Обращать внимание на длительное отсутствие образов. Это означает отсутствие группового развития, групповая фантазия по каким-то причинам строго подавляется. Конкретный анализ текстов показывает, что респонденты оценивают тексты с выраженной перинатальной лексикой как более привлекательные. Фантазийный анализ предполагает вычленение из текста фантазийного содержания.

Так, к примеру: в следующем политическом рекламном тексте «То, что происходит в России сейчас, по катастрофичности последствий превосходит мировую войну. Но надо, наконец, понять - в России идет война. Война против народа, его социальных прав, желания жить по-людски (по мнению либеральных реформаторов, наш народ плохой, не вписался в рыночную систему и не привержен демократии, потому что лучшего и не достоин). Война идет и против Православия (мешает деятельности католиков и миссионеров с Запада), война идет против Ислама (противоречит либеральным ценностям - запрещает пьянство и потребление наркотиков, к тому же правоверные сочувствуют палестинцам), война против людей левых убеждений («экстремисты», «коммуняки», «красные»!), война против патриотов России («красно-коричневые, фашисты»). Оглянись вокруг - каждый просящий милостыню ребенок, каждый бомж - это искалеченный войной реформ брат твой, у которого кровоточит раненная, униженная и оскорбленная душа. Каждый замороженный стужей, оставленный без тепла и электричества русский город - это попавшая во вражеский котел, борющаяся за выживание часть России. Каждый гонимый нуждой за рубеж «челнок» - это угнанный на вражескую неволю наш соотечественник.

Проголосовать - твой единственный шанс в сложившейся отчаянной обстановке дать отпор силам зла, защитить все, что надрызным трудом, мужеством в битвах, а порой и ценой своей жизни создали твои отцы и деды, прадеды и пращурь. Они завещали нам Россию, одну шестую часть земного шара. Страну, сумевшую в самые жестокие века истории формировать человеческие взаимоотношения в соответствии с божественными идеалами. Голосуй за людей, которые будут стоять за Россию, за государственные (то есть совпадающие с твоими) интересы. Партия «Родина».

Был получен следующий список:

...катастрофичность, ...война, ...наш народ плохой, ...против, ...пьянство, наркотики, ...коммуняки, ...красно-коричневые фашисты, ...искалеченный, ...кровоточит, ...ранения, ...оскорбленная, ...униженная, ...отчаянная обстановка, ...силы зла, ...надрызный труд, ...цена жизни, ...оставленный без тепла, ...вражеский котел.

Данный текст переполнен яркими образами, выражающими сильные эмоции, чувства. На основании этого можно выделить слова, принадлежащие к определенным лексическим группам: **агональная** (силы зла, против, вражеский котел), **анальная** (красно-коричневые фашисты, раненная, оскорбленная, неволя), родовая (оставленный без тепла, отчаянная обстановка, замороженный).

В социальной коммуникации одна из главных ее функций принадлежит политическому воздействию на коллективного адресата. Поэтому с помощью политического дискурса осуществляется в большей степени процесс идентификации адресата, нежели его эвристическая деятельность. Это подтверждает доминирование знаний рецепта (скрипто-фреймовая организация) над знанием ретуши (несоответствия ожиданиям фрейм-скриптовой структуре) – [подробнее об анализе когнитивных структур рецепта и ретуши см.: Сухих, Зеленская 1998]. По данным экспериментальной проверки, положительную оценку получают тексты, в которых коэффициент эпизодичности очень низок. Такие тексты соответствуют ожиданиям людей и являются легко предсказуемыми. Тексты с более высоким коэффициентом, наоборот, вызывают неприятные ощущения. Причины это-

го кроются в преобладании психотипов: реалисты, традиционалисты, эстеты, что составляет 80% выборки, тогда как концептуалисты показывают обратные результаты

Сила социального воздействия политического дискурса (ПД) как предмет исследования предполагает в качестве приоритетного отношения выделять прагматическую составляющую, ибо цель ПД лежит в плоскости убеждения, побуждения. На адресата влияет тот текст, содержание которого представляется ему истинным, а степень истинности зависит от: а) степени совпадения когнитивных установок или ценностных ориентаций автора и адресата; б) степени совпадения лингвистического конструирования, свойственного психотипу автора и адресата.

Семиотическая модель представляет информационно-политические технологии, с помощью которых поддерживают и изменяют через нарративы модели мира. Это достигается в виртуальном пространстве благодаря героизации и демонизации участников ситуаций. Само воздействие предполагает наличие трех этапов: возбуждения интереса, эмоциональной стимуляции, демонстрации снятия напряжений.

Семиотическая модель имеет дело с сигналами, которые указывают на сокрытый «эмоциональный смысл» личности. Такие возможности позволяют изучать психологический портрет лидера, в основе которого лежит качество сознания. Вслед за М. Люшером (1993) различают гармоничное, «идол-Я» и «страх-Я» качества сознания. Наряду с этим может выявляться мотивационная сторона (мотивы- достижения, власти, близости), а также саногенность/патогенность мышления, репрезентируемые шкалами оптимизма-пессимизма, удовлетворенности - неудовлетворенности.

Современная психология пытается понять процесс влияния информации на психику человека, используя при этом различные модели интерпретации. Психологическая интерпретация социального воздействия схватывает природу манипулятивного воздействия, которое объединяет такие понятия, как рефлексивное управление (макиавеллизм) и манипулирование. Различают нормативные (внешнее, объективное) и информационные формы (внутреннее, субъективное) влияния. Большой вклад психологическая модель внесла в понимание восприятия ПД эвристи-

ческим и фокальным способом. При этом существенно понимание селективности восприятия, которое опирается на принципы резонанса, защиты, сенсбилизации. Большой привлекательностью пользуется модель прайминга при восприятии [Нельсон 2003], согласно которой мы можем воспринимать простые символы, лица, слова ниже уровня сознательного восприятия. При этом участник подвергается влиянию экспозиции предшествующего стимула, но не высказывает осознания такого влияния (имплицитная стереотипизация). Люди с высокой предубежденностью обладают сильными стереотипными ассоциациями с ярлыком категорий. «Групповые ярлыки облегчают доступ к стереотипно устойчивым характеристикам и подавляют доступ к стереотипно неустойчивым характеристикам» [Нельсон 2003: 114]. Прайминговая парадигма используется в работах по имплицитной стереотипизации. Социальные явления воспринимаются более стереотипно людьми, у которых выражена потребность в структуре или когнитивной завершенности, что схоже с понятиями авторитаризма и догматизма. Группы людей, ориентированные на социальное доминирование, склонны к предрасудкам и стереотипизации.

Таким образом, для описания процесса скрытого воздействия существует много моделей в психологии и лингвистике. В качестве методологической платформы может использоваться модель Р. Уилсона о восьми контурах как уровнях эволюции сознания индивида (**контурная методика анализа**). Плодотворны в изучении процесса социального влияния идеи психистории, где политический лидер выступает защитником от групповой фантазии, так как он лучше всех ее осознает (**фантазийный анализ**). Когнитивный анализ информации может опираться на процедуру выявления соотношения пропозиций, относящихся к рецепту и ретуши, что находит выражение в коэффициенте эпизодичности. При низком коэффициенте эпизодичности следует ожидать, что реципиент воспринимает информацию эвристическим способом, т.е. скорее следует ожидать включение имплицитной стереотипизации интерпретируемого события (**анализ коэффициента эпизодичности**). Все указанные методики составляют операциональную сторону лингвопсихологического подхода, изучающего качества языкового сознания

(спонтанность, динамичность, диалогичность, текучесть), раскрывающиеся через вербальные структуры.

Литература

Александров И.А. Космический феномен человека: человек в антропном мире. - М., 1999.

Величко В.Л. КАВКАЗ. Русское дело и международные вопросы. Черная книга или Кавказ против русских. Хроника начала 21 века. - М., 2003.

Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии.- М., 1994.

Де Моз Л. Психоистория. - Ростов-на-Дону, 2000.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. - М., 2004.

Люшер М. Сигналы личности. - Воронеж, 1993.

Нельсон Т. Психология предубеждения.- СПб., 2003.

Сухих С.А., Зеленская В.И. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. – Краснодар, 1998.

Уилсон Р. Психология эволюции. – Киев, 1998.

©Сухих С.А., 2004

©Калашава А.Ш., 2004